

А. М. Третьяк

«ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО ВОСХИЩЕНИЯ»: БЛИЖАЙШИЕ ПОДРУГИ Ц. И. ГРИН

«Общество взаимного восхищения» — именно так назвала это содружество одна из подруг Цилии Иосифовны — Саломея Абрамовна Неймотина. Их было четыре подруги — две Эллы — Элла Юфа и Элла Соболевская¹, Сима Неймотина² и Циля Грин. Они познакомились в Библиотеке, куда Циля и две Эллы пришли работать в 1947 г., а самая старшая из них — Сима — работала здесь с 1936 г.

Когда мы с Инной Ханоновной Саксоновой навестили Саломею Абрамовну в 2011 г., она, вспоминая сороковые годы, сказала, что в другое время при других обстоятельствах они вряд ли бы подружились: «Мы все были абсолютно разные. Мы были из разной среды. Мне было 28 лет, Циле 25». Элле Юфе — 25, Элла Соболевская была много моложе — ей был 21 год. Саломею Абрамовне и Цилии Иосифовне пришлось рано повзрослеть, на их плечи легла забота о семье.

Когда Саломею Абрамовне было 14 лет, ее родители разошлись, и четверо детей остались с отцом. На плечи Симы, старшей из дочерей, легла забота о младших. Затем — война. Саломея Абрамовна сопровождала сокровища Библиотеки, которые были вывезены в Мелекес. Это была не только работа с книгами, но и лесоповал, заготовка дров, работа в госпитале. В Ленинграде она потеряла всех родных, — во время блокады умерли от голода отец и мать, бабушка и дедушка, погиб на фронте брат, погибла под бомбежкой на Ладожском озере сестра вместе с тетей, выжила только самая младшая сестра Муся (Мария Абрамовна), но она была тяжело больна, лежала в госпитале, а у Саломеи Абрамовны не было жилья, куда ее можно было бы забрать. При отъезде в Мелекес она получила бумажку о том, что за ней сохраняется жилплощадь. При этом существовало постановление, что, если ваше жилье заняли люди, у которых разбомбило дом, то они не подлежали выселению.

Цилия Иосифовна пережила блокадную зиму 1941—1942 гг. В эту зиму умерли от голода ее отец и брат, ей пришлось вывозить тяжело больную мать из Ленинграда. У нее были сестра и племянница, но, по существу, именно она стала главным кормильцем в семье.

Элла Соболевская жила с мамой, отец умер вскоре после войны, но для мамы она была цветком, который она оберегала и лелеяла. Элла Юфа была воспитана в строгости, но о ней также заботились родители.

Несмотря на эту разность биографий они подружились. Саломея Абрамовна вспоминает, как с Эллой Соболевской они столкнулись на 2-й галерее круглого зала русского фонда и у них завязался разговор о какой-то книге, и с этого началась дружба. С Цилей познакомились, «кажется, в Русской отметке», а Элли Юфу к ней привела бывшая заведующая русским фондом Софья Давыдовна Явно. Она представила Элли и попросила

¹ См.: Матвеева И. Г. Юфа Элла Зельмановна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биогр. слов. СПб., 2013. Т. 4 : Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1946—1956. С. 639—640; Суворова В. П. Соболевская Элла Зиновьевна // Там же. С. 524—525.

² Грин Ц. И. Неймотина (Немойтина) Саломея Абрамовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : биогр. слов. СПб., 2003. Т. 3: Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1931—1945. С. 411—412.

ей покровительствовать. «Она мне сразу понравилась, — вспоминает Саломея Абрамовна. — Как сейчас помню, она была в красной блузке, в костюме, как тогда носили. Она располагала к себе, была сдержана, немногословна <...> Нам нравились одни книги, нам нравились одни фильмы и, хотя не у всех из нас был хороший слух, мы все любили ходить в филармонию. Брали обычно входные билеты и стояли вдоль стенки».

У каждой из подруг было какое-то качество, которым восхищались остальные, поэтому Сима Неймотина в шутку назвала их содружество «Общество взаимного восхищения». Элла Юфа — это поэзия, стихи, которых она знала очень много. Элла Соболевская — это театр. Ее мама когда-то в молодости играла на сцене провинциального театра, и эта любовь передалась дочери. Циля Грин — это наука, необычайные знания. А Сима Неймотина была неимоверно начитана.

Саломею Абрамовне дали комнату в Крапивном переулке в 7 кв. метров, в ней даже не было окна: железная кровать, которую дала Библиотека, какой-то диван для Муси и деревянный ящик из-под книжных сокровищ из Мелекеса. В этой комнате они любили собираться. Очень скромное угощение. Старушка, жившая за стенкой, старалась им дать к чаю либо маленькую баночку варенья, либо что-то еще. Иногда собирались в доме Юфы. У них была трехкомнатная квартира на Петроградской стороне, но комнаты были очень маленькие. В самой большой был кабинет Зиновия Соломоновича, он был врачом и иногда вел прием дома. Это был дополнительный заработок, брал он весьма умеренную плату, но, когда у пациента не находилось денег, он принимал и так. Случались казусы, когда после ухода больного обнаруживалась пропажа плаща хозяина или пальто хозяйки.

Чаще всего, вспоминает Саломея Абрамовна, они собирались за большим столом в доме у Циля на проспекте Маклина. Мама Циля Иосифовны — Любовь Романовна, женщина очень умная, строгая, но вместе с тем очень добрая, в то трудное время старалась приготовить что-то вкусненькое, пекла удивительные, незабываемые пироги. Дом их был очень гостеприимным. Эти застолья, как вспоминает Саломея Абрамовна, были очень интересными — что-то обсуждали, разговаривали и пели. Зиновий Соломонович был тоже участником этих встреч.

Конец сороковых — самое начало пятидесятых было очень счастливым для них время. Затем судьба каждой из них сложилась довольно драматично.

Соболевская была очень красива — миниатюрная, с хорошей фигурой, в то скудное время, когда все они одеты были более чем скромно, она очень хорошо одевалась, ее тетя работала переводчицей в группе советских войск в Германии и присылала ей вещи (позднее она пропала при невыясненных обстоятельствах). В каком-то кружке художественной самодеятельности Элла познакомилась с будущим мужем, он был в этом кружке режиссером; а вообще-то — студентом Ленинградского университета (Олег Константинович Овечкин), вышла замуж в 1954 г. Брак этот длился недолго, она осталась с сыном, которого после смерти матери (в 1963 г.) растила одна. Зарплаты не хватало, она подрабатывала и в Библиотеке, и вне Библиотеки. С 1950 г. она работала в Отделе каталогизации библиографом в группе рекаталогизации русской книги, затем систематизатором в группе технической литературы, с 1970 г. — в проблемной комиссии по предметизации, в мае 1980 г. ушла на пенсию. Тяжелая болезнь сына подкосила ее; несмотря на то, что Сима и Муся старались ее поддержать, после его смерти в 1991 г. она покончила с собой.

Элла Юфа в 1951 г. защитила диссертацию на тему «Традиции декабристской поэзии в последующей русской литературе». Ее руководителем был Николай Кириакович Пиксанов. Она знала французский и немецкий языки, мечтала работать в Отделе рукописей, а пришлось... — контролером на выдаче требований, позже — в читальном

зале литературы и языкознания, и когда она поняла, что мечта ее заниматься наукой неосуществима в Ленинграде, она уехала из города. Три года она работала в Учительском институте в Вольске, читала курсы по истории русской литературы XIX—XX века, древнерусской литературы и литературы XVIII века. Затем, в связи с ликвидацией Учительского института, переехала в Усть-Каменогорск, и с 1955 г. на протяжении 23-х лет была заведующей кафедры русской и зарубежной литературы Усть-Каменогорского педагогического института. Ее отъезд из Ленинграда буквально подкосил Зиновия Соломоновича, который жил только ради нее. Вскоре он умер, и ее мать переехала в Усть-Каменогорск. И хотя Элла и ее подруги Циля и Сима говорили о том, что жизнь Юфы должна была быть иной, ученики ее с этим, пожалуй, не согласятся. «Она была Педагогом, — с большой буквы, — пишет один из ее учеников Александр Агарков, выпускник 1972 г., — теперь таких нет <...> была преподавателем-интеллигентом, человеком в высшей степени деликатным, настоящим воспитателем <...> Обладая поистине энциклопедическими знаниями, она требовала и от нас, ее студентов, полной самоотдачи. Трудно было получить у нее даже четверку. Но уж будьте уверены, — это была настоящая четверка!». Другой ее ученик (А. Хапаев) пишет: «Элла Зиновьевна умела создавать такой особый микроклимат вокруг себя, в котором каждый чувствовал себя свободно и раскованно, в то же время добрел сердцем, возвышался душой, становился чище помыслами и нравственно. Я знаю это по себе». Ее ученицы сразу же откликнулись на просьбу сообщить что-то об Элле Зиновьевне, о судьбе писем Цилии Иосифовны к ней. Хочется их назвать и поблагодарить. Это Лилия Петровна Осенмук, выпускница Усть-Каменогорского педагогического института 1959 г., доцент, кандидат филологических наук, Галина Михайловна Беломытцева (выпуск 1962 г.), Валерия Петровна Тастянова (Неляпина) и Галина Федоровна Москаленко (выпускницы 1960 г.). Они привезли нам и статьи, посвященные памяти Эллы Зиновьевны, и копии сохранившихся писем Цилии Иосифовны. Надежда Завалко, одна из выпускниц Усть-Каменогорского института, ныне доктор педагогических наук, профессор, которой довелось услышать только одну лекцию Эллы Зиновьевны, говорит, что «ни до, ни после я не видела такого, хотя вечеров поэзии и поэтических спектаклей посетила предостаточно. Преподавателям не хватало актерского мастерства, актерам — мудрости преподавательского постижения образа и анализа заложенной истины».

Со времени отъезда Юфы из Ленинграда, с 1950-х гг., началась переписка Цилии Иосифовны и Эллы Зиновьевны. Это стало их образом жизни вплоть до 1992 г., когда Эллы Зиновьевны не стало. У Цилии Иосифовны остался целый чемодан писем от нее, он сейчас хранится у племянника Цилии Иосифовны — Анатолия Владимировича, который пытается эти письма систематизировать, и такой же чемодан писем был у Эллы Зиновьевны. В этих письмах мало житейского, хотя, конечно же, оно присутствует, но это не главное, не предмет для разговора, а *главное* — литература, новинки, появившиеся в журналах, фильмы, театральные постановки, новые выставки в Эрмитаже. Как будто листаешь страницы времени 1950-х — начала 1990-х гг.

В январе 1957 г. как о радостном событии Цилия Иосифовна сообщает о поступлении в продажу сборника «Литературная Москва»: «Его я заприметила еще на просмотре О[бязательного] Э[кземпляра] — там много вкусных вещей — 3-я часть «Открытой книги», статья Эренбурга о Цветаевой, ее стихи, заметки Олеси и др. Я сразу купила 2 экз. — один для тебя, другой — себе. Присоединила к твоему еще сборник стихов Багрицкого (вероятно, он у тебя уже есть) и вчера отправила все это бандеролью». А в одном из писем 1971 г. — рассказ о вечере памяти Александра Блока в Большом драматическом театре, о «фокусе», который выкинул Евтушенко, когда вместо стихов

Блока, как было объявлено, прочел свои, «половина зала этого не поняла, зато у Орлова, Берггольц, Туркова вытянулись лица. Берггольц, правда, просто смеялась, восприняв это как милую шутку». Хорошие книги тогда купить было трудно, тем более в Усть-Каменогорске. Цилия Иосифовна старается их приобрести в книжных магазинах Ленинграда — книги, гибкие пластинки, открытки, которые их обеих радуют. Элла Зиновьевна в ответ на одно из посланий Цилии Иосифовны пишет: «Спасибо за вложенную в письмо открытку с видом на Поцелуев мост. А. Бестужев-Марлинский к одной из своих повестей взял эпиграфом стихи:

„Довольно я скитался в этом мире
Вдали моих отечественных звезд.
Я видел Рим — величия погост,
Британию в Морской ее порфире,
Венецию... но Поцелуев мост
Милее мне, чем Ponte de Sospiri“³»...

«Я рада, что ты продолжаешь работать, подготовила статью для сборника, задумала вместе с Лопатиной книгу «Герман Лопатин в Петербурге-Петрограде». Какая ты у меня умница!» — все то же восхищение трудолюбием подруги присутствует и сорок лет спустя!⁴ Неслучайно Саломея Абрамовна придумала название этому содружеству! Сама Саломея Абрамовна всю жизнь проработала в Русском фонде и вышла на пенсию в 1976 г.

Сима и Муся, две сестры были рядом с Цилией Иосифовной во все трудные и драматичные периоды ее жизни. В 2003 г. Симе было уже 85, а Мусе 78, и через весь город с Институтского проспекта на улицу Ленсовета они ездили навещать Цилию Иосифовну, чтобы накормить ее своими домашними котлетками, поговорить с ней и поддержать ее во время болезни.

Саломея Абрамовна, пережившая своих подруг, сохранила до сегодняшнего дня и память о них, и любовь к ним, и восхищение, и благодарность судьбе за то, что в ее жизни они были.

³ Ponte de Sospiri — Мост вздохов в Венеции.

⁴ Использованы цитаты из писем, хранящихся в личном архиве Анатолия Владимировича Андреева.